

Соловей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> приятного чтения!

Соловей. Михаил Михайлович Пришвин

(Рассказы о ленинградских детях)

БОТИК

На берегу Плещеева озера, вблизи древнего русского города Переславля-Залесского, на красивом холме расположена усадьба Ботик, где хранится ботик Петра Первого. В летние тихие дни в тихих водах виднеются спокойные отражения древних церквей, холмов с городищами, собор XI века и много такого, на что и сам Петр со своим Санкт-Петербургом смотрел, как на древности.

Мало найдется под Москвой мест красивее Ботика с высоты овалом шесть на девять верст стелется озеро, совершенно прозрачное, с чудеснейшим пляжем, направо, часто из дымки, выступает древний город, как невидимый град, налево – леса не дачные, а дикие, с лосями, медведями, и уходят, почти без перерыва, на север.

Двадцать лет тому назад мы жили здесь совсем уединенно в белом дворце среди старинных берез, будто бы екатерининского времени. Только один раз в году, в Петров день, когда расцветают все травы, сюда во множестве собирались переславские граждане почтить память Петра. В другое время редким случайным посетителям усадьбы мы показывали памятник, поставленный в 1852 году владимирским дворянством Петру Великому. На этом памятнике золотыми буквами по серому мрамору был написан грозный указ царя о неминуемом возмездии потомкам ярославских воевод, если они не будут беречь остатки его потешного флота. После чтения грозного указа всегда оставлял на нас тяжелое впечатление вид жалкого ботика с перепревшими канатами, единственного уцелевшего суденышка от многих петровских галер и фрегатов. Каждому посетителю должно было приходиться в голову при виде ботика, что не поздно ли хватилось переславское дворянство, что, пожалуй, не миновать уже потомкам воевод петровского возмездия.

Характерным для природы Петра было непрерывное стремительное движение вперед, и это так было прекрасно понято Фальконе и Пушкиным, давшими нам образ гиганта на бронзовом коне. Трудно себе вообразить после этих памятников что-нибудь более жалкое, чем то мраморное пресс-папье, что стоит на Ботике. В пределах сил наших мы решили устроить из Ботика памятник чисто в духе Петра устроили в прекрасном белом каменном доме географическую станцию.

После географической станции на короткое время здесь мелькнула станция биологическая, потом здесь был дом отдыха, потом техническая школа и другие учреждения, вытеснявшие друг друга.

Год тому назад, во время блокады Ленинграда, сюда эвакуировали детей, чьи матери погибли в Ленинграде. Дети были очень истощены, косточки да мешочки, но наша: простая и сильная природа пришла им на помощь, и к тому времени, когда запел соловей, детишки оправились, забегали, запели, защебетали.

Вот тогда прошлое потешного флота Петра и наличие самого детского ботика, все вместе связалось, как будто сам Петр обрадовался детям и отменил свой суровый указ о возмездии.

ДЕТИ

Двадцать лет тому назад мы пришли на Ботик и, прикоснувшись к местной природе, в себе самих открыли детей, способных радоваться при добывании себе пищи ружьем в лесу и сетью в озере. С нами был пожилой художник, совершенный ребенок душой, и, глядя на него, нам приходило в голову, что, может быть, каждый настоящий художник хранит в себе ребенка своего, как нежная мать, и воспитывает его, как разумный отец. Мы сами тогда благодаря художнику настроились, как дети, и восхищались природой.

Какие были тогда над Ботиком звезды!

Теперь мы пришли сюда, измученные не своим личным горем, а ужасным бедствием всего человечества на земле, общественным горем, ломающим всякую личную жизнь.

И вот они опять над Ботиком, те же самые большие блестяще-лучистые звезды. Какие они теперь стали холодные, какие стойко-равнодушные к человеческому горю! Очень

Соловей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
больно было при виде этих пустых звезд расставаться. Со всем лучшим в своем прошлом: никаких сказок мы больше не видели за этими благополучно-неизменными украшениями небесного свода. Но, конечно, это были только сокровенные поэтические чувствования, мы не могли к звездам предъявить какие-то требования, все разочарование было только оттого, что мы сами больше уже не были просты, как дети. Но когда потом прибежали к нам дети, в их глазах мы узнали сказки детства, теперь как будто сошедшие со звезд. Мы очень обрадовались этому чувству, как будто вдруг нашли свое лучшее распределенным в этих карих, и синих, и черных, и голубых детских чистых глазах.

Мы брали их за руки и на руки, мы позволяли каждому прикоснуться к нашей одежде и очень внимательно слушали их щебет и лепет.

Ленинградские дети, никогда еще не имевшие тесной близости с живой природой, рассказали прежде всего о сером быстро бегущем зайце.

– С огромным хвостом! – выкрикнул голос из толпы.

– Неправда, – ответили мы, – у зайца хвост – небольшая белая пуховочка, и у охотников называется не хвостом, а цветком.

– Неправда, – выкрикнул тот же голос, – у всех зайцев, может быть, и цветок, а у нашего, все мы видели, вот какой огромный хвостиче!

Еще рассказали нам о котенке, который забрался к вороне в гнездо, и ворона выклевала ему глаз.

– Глядите, вон он идет, одноглазый.

– Ах, бедный!

– Нет, он не бедный, так ему и надо: зачем он лез в чужое гнездо.

Еще рассказали о лягушке: она прыгала, ее поймали, пожали немного, чтобы удержать, а она после того прыгать больше не стала.

– Ах вы, безобразники! Вы замучили лягушку, а это, может быть, и была сама лягушка-царевна.

И рассказали им по-своему, как выйдет, о лягушке-царевне. Вероятно, вышло неплохо, все дети были растроганы, все жалели лягушку-царевну и обещались никогда лягушек не душить.

– Пусть себе прыгают!

– Лягушек не будем душить, – сказал один маленький бутузик, – но если медведь придет?

– Медведей тут близко нет, медведь не придет.

– Как же так: вчера ночью к нам медведь приходил. Ночью я сам слышу: стук-стук!
– отворяется дверь, и входит огромный медведь, и прямо ко мне, а я во весь голос орать. Прибежали скоро няни, а медведь убежал.

– Медведей, – сказали мы, – не бойся: они очень человека боятся.

И рассказали им действительный случай с нами на севере, когда мы целый месяц в тайге искали встречи с медведем и не могли встретиться. Но когда сели в лодку и поехали, то медведь вышел из лесу и долго смотрел нам вслед, как мы ехали вниз по реке.

– Чего же вы его не били?

– А не видели.

– А как же узнали, что он глядел?

– После один охотник рассказал: он видел с другого берега из своего шалаша. И

Соловей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
еще этот охотник рассказал, будто бы, когда река повернула и мы скрылись из виду, медведь залез на высокое дерево и оттуда опять долго глядел. А под конец он помахал нам лапой, язык нам показал, слез с дерева и убежал в лес.

Рассказывая о медведе, мы сидели на широком пне, а дети плотно прижались к нам, как, бывает, многочисленные отпрыски обступают тесно пень материнского дерева. Все дети были чистенько и заботливо убраны, вполне здоровые, с розовыми и загорелыми личиками. Но только как-то уж очень плотно они к нам прижимались, слишком тянулись к нам. Так бывает в лесу, когда срежут дерево и корневая сила выбрасывает пуки свежих отпрысков, и листки на них как-то очень уж зелены, кора слишком нежная, стволы чересчур частые, кругом обнимают пустое место, дерева-матери нет, а внизу пень.

Маленькая девочка Мария-Тереза, дочь испанской комсомолки, умершей в Ленинграде, гордая, нелюдимая, робко-застенчиво опустив глаза, спросила не позволим ли мы ей называть нас папой и мамой. Вслед за Терезой все начали просить нас об этом. Так мы были на месте умершего дерева-матери, и бедные человеческие отпрыски спрашивали нас:

– Не вы ли пришли, наши папа и мама?

Что нам было сказать. Когда видишь крошечные существа четырех, пяти лет, тянущиеся к нам с вопросом: «Не вы ли папа и мама?» – это потрясает.

ЖИЗНЬ ВОЗЛЕ ПНЯ

Нигде не найдешь в лесу жизни более обильной и страстной, как возле старого пня. И мы тут сидели на пне, радуясь, что ребятишки так жадно слушают нас. Мы спросили одного мальчугана:

– Скажи, милый, кого ты больше любишь папу или маму?

– Папу, – ответил мальчик, – я, конечно, больше люблю: папа с нами играл, наш папа был, как мы.

– А мама?

– Мама готовила на кухне, стирала белье.

Это значило у мальчика, что папа мог играть с ним, а маме было трудно. И еще это значило: мама умерла, но это страшно, об этом лучше молчать, а папа жив.

– Твой папа на фронте, что он там делает?

– Пишет письма.

Значит, есть надежда, что он вернется и опять будет играть. Короче говоря, мальчик ответил, как ответил бы любой из побегов, обступающих старый пень:

– Мне хочется жить, и это я «больше люблю».

Бедный мальчуган! Сколько весен еще надо петь соловью свою песенку, чтобы ребячьему сердцу победить пережитое, чтобы снова вошла в это испуганное сердечко и навсегда там осталась прекрасная мама его первого детства.

ПАПА-ДОКТОР

Доктор в колонии чуть ли не единственный мужчина в женском царстве, обслуживающем семейку человек в триста. Приводят к нему мальчика Мишу с кожной болезнью, последствием ленинградского голодания. Приходится сделать небольшую операцию.

Доктор готовит инструменты. Мальчик бледнеет.

– Не бойся, мальчик, я хочу тебе помочь. Не будешь бояться?

– Не буду.

– Начинаю, держись.

- Держусь.
- Больно?
- Не хочу больно, держусь.
- Молодец. Вот и все.

Миша счастлив. Миша очарован добрым доктором, возбудившим в нем мужество, преодолевающее боль. И вот тогда из безобманной, целомудренной, застенчивой природы сердечной поднимается чувство благодарности.

Неуверенно, робко, вспыхнув, Миша говорит:

- Доктор, разреши мне звать тебя папой.
- А разве нет у тебя папы?
- Папа на фронте, далеко, тот папа мой, а ты будешь нашим папой.

Доктор согласился при обещании мальчика держать договор в тайне.

Вечером, при обходе, в спальне все дети разом закричали доктору:

- Наш папа идет!

Доктор не обрадовался этому назначению своему – быть общим папой. Он человек деловой, должен блюсти дисциплину, он им доктор, не папа. Да так и запретил, и тому мальчику Мише запретил за то, что он не сохранил тайны.

- Болтун! – сказал он строго.

И поворчал в нашу сторону:

- Извольте понимать эту мудрость: «Будьте, как дети», если дети эти – плуты и разбойники.

После занятий доктор, однако, своим перочинным ножом сделал змей для детей, запустил его вместе с ними, и тут дети забыли запрещение и опять сделали доктора папой. И видно было, что сам доктор радовался, как ребенок.

Тогда мы подошли к доктору, запускавшему змея, и повторили его слова:

- Извольте понимать эту мудрость: «Будьте, как дети».

КОЗОЧКА

Из Берендеева на Ботик стала ходить повариха, хорошая, ласковая женщина, Аграфена Ивановна; никогда к детям она не придет с пустыми руками, и одевается всегда чистенько, дети это очень ценят. Женщина она бездетная, за мужем своим бывало ходила, как за ребенком, но муж пропал без вести на фронте. Поплакала, люди утешили: не одна она ведь такая осталась на свете, а на людях и смерть красна.

Очень полюбились этой бездетной вдове в детдоме на Ботике одна девочка, Валя, – маленькая, тонкая в струнку, личико всегда удивленное, будто молоденькая козочка. С этой девочкой стала Аграфена Ивановна отдельно прогуливаться, сказки ей сказывала, сама утешалась ею, конечно, как дочкой, и мало-помалу стала подумывать, не взять ли и вправду ее себе навсегда в дочки. На счастье Аграфены Ивановны, маленькая Валя после болезни вовсе забыла свое прошлое в Ленинграде, и где там жила, и какая там у нее была мама и кто папа. Все воспитательницы в один голос уверяли, что не было случая, когда бы Валя хоть один раз вспомнила что-либо из своего прошлого.

- Вы только посмотрите, – говорили они, – на ее личико, не то она чему-то удивляется, не то вслушивается, не то вспоминает. Она уверена, что вы ее настоящая мама. Берите ее и будьте счастливы.

- То-то вот и боюсь, – отвечала Аграфена Ивановна, – что она удивленная и как

Соловей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
будто силится что-то вспомнить; возьму ее, а она вдруг вспомнит, что ж тогда?

Крепко подумав, все взвесив, совсем было решила вдова взять себе в утешение Валу, но при оформлении вдруг явилось препятствие. Хотя в детдоме все были уверены, что отец Вали погиб, об этом говорили и прибывшие с фронта бойцы: погиб у них на глазах, – но справки о смерти не было, значит, по закону нельзя было отдать на сторону девочку.

– Возьмите, – говорили ей, – условно, приедет отец – возвратите.

– Будет вам шутить, – отвечала Аграфена Ивановна, – дочку так брать страшно, все будет думаться – придет час, и отберут: нет уж, что уж тут, брать так брать, а так уж, что уж тут!

После этих слов повариха целый месяц крепилась, не заглядывала на Ботик. Но, конечно, дома, в своем желтом домике в Берендееве, тосковала по дочке, плакала, а девочка тоже не могла утешиться ничем: мама ее бросила! А когда повариха не выдержала и опять пришла с большими гостинцами – вот была встреча! И опять все уговаривали взять условно, и опять Аграфена Ивановна упорно повторяла свое:

– Брать так брать, а то уж, что уж так-то брать.

Так длилось месяца два. В августе пришла бумага о смерти отца Вали, и Аграфена Ивановна увезла свою дочку в Берендеево.

Кого прельстит рыженький блеклый домик в три окошка, обращенный в туманы Берендеева болота! Никому со стороны не мило, а себе-то как дорого! Все ведь тут сделано руками своих близких людей; тут они рождались, жили, помирали, и обо всем память оставили. Собачку отнимут от матери, принесут в чужой дом, и то, бывает, пузатый кутенок озирается вокруг мутно-голубыми глазами, хочет что-то узнать, поскулит. А Вале, девочке-сироте, было в рыжем домике все на радость. Валя ко всему тянется, весело ей, как будто и в самом деле пришла в свой родной домик к настоящей маме. Очень обрадовалась Аграфена Ивановна и, чтобы девочке свой домик совсем как рай показать, завела патефон.

Сейчас и на Ботике есть патефон, а в то время, когда Валу брали, дети там патефона вовсе не слышали, и Валя не могла помнить патефон вовсе. Но патефон заиграл, и девочка широко открыла глаза.

– Соловей мой, соловей, – пел патефон, – голосистый соловей.

Козочка удивилась, прислушалась, стала кругом озираться, что-то узнавать, вспоминать.

– А где же клеточка? – вдруг спросила она.

– Какая клеточка?

– С маленькой птичкой. Вот тут висела.

Не успела ответить, а Валя опять:

– Вот тут столик был, и на нем куколки мои.

– погоди, – вспомнила Аграфена Ивановна, – сейчас я их достану.

Достала свою хорошую куклу из сундука.

– Это не та, не моя!!

И вдруг у маленькой Козочки что-то сверкнуло в глазах: в этот миг, верно, девочка и вспомнила все свое ленинградское.

– Мама, – закричала она, – это не ты!

И залилась. А патефон все пел:

«Соловей мой, соловей».

Когда пластинка кончилась и соловей перестал петь, вдруг и Аграфена Ивановна свое что-то вспомнила, закричала, заголосила, с размаху ударилась головой об стену и упала к столу. Она то поднимет со стола голову, то опять уронит, и стонет, и всхлипывает. Эта беда пересилила Валино горе, девочка обнимает ее, тербит и повторяет:

– Мамочка, милая, перестань! Я все вспомнила, я тебя тоже люблю, ты же теперь моя настоящая мама.

И две женщины – большая и маленькая, – обнимаясь, понимали друг друга, как равные.

РОМАН

Когда мальчика взяли в детдом, он сам подробно в полном сознании все рассказал о гибели своей матери, и этот рассказ подробно записан в книге детдома. Через несколько дней мальчик заболел менингитом, и за ним днем и ночью ухаживала Анна Михайловна. Эта обыкновенная женщина, с обыкновенными слабостями в те дни действительно была прекрасна и боролась за жизнь мальчика целыми ночами, не закрывая глаз. Когда менингит был побежден, началась новая борьба с дифтерией, и когда прошел дифтерит, начались тяжелые последствия голодной болезни.

Сам доктор называл выздоровление Вовочки биологическим чудом и после «чуда» – делом рук Анны Михайловны. Трудно представить нам, что переживал мальчик во время борьбы его за жизнь. Но можно догадываться, что в минуты просветления его сознания образ новой мамы замещал прежний, и мало-помалу Вовочка, выздоравливая, выходил из старой жизни в новую с полным забвением всего, что было с ним в страшные дни блокады.

Можно сказать, прежний Вовочка умер, и от него, как надгробный памятник, осталась в книгах детдома только запись рассказа о гибели его старой мамы. Новый Вовочка вышел на свет силой материнской любви своей новой мамы, сохраняющей от него ревниво тайну его мучительного прошлого. И тут нет ничего особенного: каждая мать, во всей радости своей, обращенной к младенцу, в сердце своем таит тревогу и скорбь.

Стороной от людей узнал, наконец, отец Вовочки о гибели жены своей в Ленинграде и о спасении сына, и что за мальчиком самоотверженно ухаживает новая женщина, и что ребенок вовсе забыл свое прошлое.

«Вовочка, мальчик мой милый, – писал он, – как же ты не помнишь белую дорожку в траве, и как мы с тобой по этой дорожке гоним лошадку на колесах, как ты захотел на нее взобраться и упал, а на дорожке этой были муравьи, и ты их испугался и закричал, и мы с муравьиной тропинки перешли на чистую.»

Конечно, Анна Михайловна скрыла от Вовочки это письмо и сама написала отцу, чтобы для жизни Вовочки он постарался забыть свое прошлое.

«Боюсь вам сказать, – писала она, – как это „забыть“. Может быть, вы возьмете пример, большой Вовочка, с вашего маленького: он болел и со мной выздоравливал, и теперь живет и любит меня не меньше, чем старую маму. Я осмелюсь напомнить вам, что для большого Вовочки наша родина, как для маленького, тоже ведь как мать, и что вы так много для нее делаете. Простите, мне трудно выразить то, что я чувствую: сейчас у нас поют соловьи, и мне кажется, что они в пении своем тоже трудятся. Вот я сейчас вижу перед окном одного: дождик начинается, на него уже каплет, а он все поет, и одна капелька уже висит на носике, и он ее стряхнул, и поет. Трудится он, и не для себя поет, и будет петь на другой год, пусть другой соловей, но песенка все та же. И так вот и я тоже вместо старой мамы тружусь, и песенка моя Вовочке все та же, и вы тоже свою жизнь отдаете. И все это вместе складывается и выходит родина, для которой мы все живем: кажется – для себя, а выходит – для родины».

Так писала Анна Михайловна, сама того не зная, что делает для Вовочки-отца то же самое, что и для сына его. И письма с фронта в детдом получались все чаще и чаще.

В последнем своем письме он писал:

«Соловьи и у нас на фронте поют, только я до сих пор не обращал на них никакого внимания. Но теперь после ваших писем слышу: поют и даже не очень считаются с грохотом нашей артиллерии.

Теперь мне видится далеко за нашим фронтом и за нашим рабочим тылом вот эта благословенная страна, где, как вы мило пишете, трудятся для нас соловьи. Я это понимаю, и не благодарю вас: за такое хорошее не благодарят».

На этом письме переписка надолго обрывается. Кажется, Вовочка-отец вышел из строя бойцов. Но Анна Михайловна не оставляла его, как и маленького Вовочку, когда тот был и для докторов безнадежным. Она все писала на фронт по прежнему адресу и все ждала письма, все ждала и ждала.

Он был тяжело ранен. Когда же выздоровел, то опять возвратился в строй. Однажды, под вечер, он вернулся в свою часть из опасной разведки, и ему вручили целую пачку давно искавших его писем. После многих бессонных ночей он еле мог держаться на ногах, теперь бы только спать и спать. Но при взгляде на почерк он встряхнулся, и сон прошел.

Вечерело. Мелко убористые строчки невозможно стало разбирать на воздухе, и не хотелось идти в тесноту к товарищам и там при всех читать.

Тогда недалеко от наших батарей он увидел яркий огонь – это горел ковыль в степи, вечерний ветерок его раздувал, и костер, кем-то разведенный, быстро становился степным пожаром, ползущим в безопасную сторону. Он подошел к огню, взял первое письмо и, читая его, пошел невольно вслед за пожаром.

Может быть, и видел его кто-нибудь так идущим с письмом из далекой страны соловьев вслед за пожаром? А может быть, и не один боец, исполнив свое обычное дело, тоже шел с письмом за огоньком.

Рассвет остановил этих странников и вернул их из страны соловьев к обычному делу.

Рассказывая об этих странствиях вслед за степным пожаром, Вовочка-отец писал:

«Милый друг, я кончаю письмо, слышу, опять взялась наша артиллерия. И знаете, я не забочусь о снарядах, о силах, – этого хватит у нас, я думаю лишь о том, чтобы хватило ваших материнских сил для победы».

Так он выздоравливал. И еще он сделал в этом письме, на уголке, маленькую приписочку: «Милый друг, если я вернусь, не согласитесь ли вы».

Прочитав эту приписочку, Анна Михайловна улыбнулась и, сильно помолодев, посмотрела на себя в зеркало.

БАБУШКА И ВНУЧКА

При детдоме на Ботике живет одна бабушка, Евдокия Ивановна. Ей нужно бывает три раза в день спускаться вниз по крутой лестнице покормить своих цыплят. Трудно ей, старой, недужной, спускаться, но зато уж как достигнет своей лавочки, придет в себя, то непременно что-нибудь увидит свое, удивится, как-нибудь по-своему отзовется и примет участие.

Может быть, даже всеми замечаемый семейный характер этой детской колонии исходит больше всего от этой, как будто никому не нужной, бабушки.

Всю свою жизнь она прожила в Ленинграде на службе у хороших людей, и так верно служила, что о себе-то, пожалуй, что и забыла, и вот теперь только на Ботике вспомнила, и всему на старости лет удивилась. И первое, что удивило ее, – это соловей.

Всю свою жизнь она безвыездно прожила в Ленинграде и не удосужилась даже хотя бы раз весной попасть на острова и там послушать соловья. Так вся жизнь прошла без соловья, и оказалось, что хорошие-то люди, пожалуй, вяжут крепче дурных: от хороших не убежишь.

И вот, после небывалой катастрофы, после опасной эвакуации под бомбами по

Соловей. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
Ладожскому озеру, после страха замерзнуть на том же Ботике, если бы повторились прошлогодние морозы, пришла весна и, наконец-то, для нашей бабушки запел соловей.

– Бабушка, – сказали ей, – откройте окно, вечер прекрасный!

– Что вы, милые, гроза еще не прошла.

– Смело открывайте, гроза прошла, радуга.

Открыли окно в парк. Теплая сырость после грозы собралась в тесной ароматной чаще акаций, сирени, черемухи и ясеней.

– Ну вот, слушайте же, бабушка, вот это поет соловей.

– Где соловей?

– А вот и слушайте: вот свистит.

– Слышу.

– Вот коленко выводит, а вот покатился.

– Дивно как! – шепчет бабушка.

И села на подоконник. Да так вот всю ночь, как молоденькая, просидела! И была ей песня соловья, наверно, мила и прекрасна больше, чем нам: мы слушали с детства без понимания, и, может быть, своего-то соловья, предназначенного, чтобы самому, вот такому-то, еще один раз услышать, – и пропустили.

– Озорник-то какой! – повторяла, радуясь, бабушка.

И мы, завидуя ей, говорили друг другу:

– Зачем живем мы не как надо, зачем спешим и все смешиваем? Своего соловья надо дождаться, своего соловья надо заслужить, как заслужила его эта бабушка.

Теперь уже почти целый месяц прошел с тех пор, как запел этот первый бабушкин соловей. Теперь их уже сотни поют кругом в кустах, уже цветет шиповник, и слышно бьет в полях перепел, и в сырых лугах горло дерет дергач.

Маленькие дети выпались, позавтракали, свеженькие, чистенькие выходят группами из дому и направляются какие к огородам, какие просто в траву и цветы между старыми березами.

Каждую группу, как ягнят, пасет отдельная воспитательница и следит, как бы не отбилась от стада какая-нибудь овечка.

Своим зорким глазом бабушка заметила одну такую, совсем маленькую, и скоро узнала: это Мария-Тереза Рыбакова. Имя этой девочки содержит всю историю ее жизни. Во время испанских событий прибыла вместе с испанскими детьми мать Терезы. Она здесь вышла замуж за комсомольца Рыбакова, погибла вместе с мужем своим в Ленинграде и оставила после себя крохотное существо, Марию-Терезу. Ну, вот она теперь идет, испанка, в русской траве, в цветах, видна только ее головка со вздернутым носиком.

Тереза идет к бабушке не просто, она даже и не идет, и группу свою не бросает. Она сделает один только самый маленький шаг в сторону бабушки и остановится, и потом через какое-то время еще один, и чем дальше от группы, чем ближе к бабушке, тем обильнее текут из глазок ее слезинки. В случае теперь ее бы поймали, она бы сказала, может быть, что заблудилась в высокой траве и не знает, как из нее выйти, и по слезам поняли бы, что она говорит правду. Но никто на нее, такую маленькую, не обращает никакого внимания, следит за ней одна только бабушка и замечает, как мало-помалу сокращается расстояние между нею и девочкой.

– Вот уж хитрая-то, – бормочет она и улыбается.

Но бледное личико и горячие слезки испаночки между березами смутили далее и

бабушку.

- Чего ты плачешь?
- Головка болит.
- А, может быть, и животик?
- Животик тоже болит.

Бабушка все поняла, и делать нечего приходится Терезу лечить. С трудом, опираясь на костыль, поднимается бабушка, за ней медленно движется Тереза, за Терезой большая курица, за курицей бегут чистенькие цыплятки.

Вот добрались наверх, в комнату бабушки.

А бабушка ничего не спрашивает, а только одно:

- Так у тебя головка болит?
- Болит, бабушка.
- На-ко, вот тебе от головки.

И дает ей ложечку вкусного повидла. А потом:

- Что у тебя еще, кажется, животик болит?
- Да, и животик.
- Ну вот, на тебе и от животика.

И дает ей еще ложечку повидла Тереза повеселела, улыбнулась и говорит бабушке:

- Ну вот, бабушка, мне кажется, теперь у меня все прошло.
- Вот и хорошо, дитяtko, иди с богом! – благословляет русская бабушка испанскую внучку.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!